

К 100-летию Федора Абрамова

Олег ТРУШИН

«ПРЕМИИ — ЭТО БИЗНЕС...»¹

14 мая 1969 года «Литературная газета» опубликовала небольшую заметку «На соискание Государственных премий СССР», тем самым озвучив официальную информацию о претендентах на высокую награду.

В качестве претендентов на премию в области литературы 1969 года в статье были упомянуты разноплановые, но по-своему примечательные романы «Две зимы и три лета» Федора Абрамова, «Кража» и «Последний поклон» Виктора Астафьева, «Белый свет» Семена Бабаевского, «Угол падения» Всеволода Кочетова, книга «Деревенский детектив» Виля Липатова, а также сборники стихов «Дорога под яворами» Андрея Малышко и «Геодолит» Николая Ушакова.

Чуть раньше информация о соискателях прошла в «Правде», «Советской России», «Известиях»...

Узнав о полном списке соискателей, увидев рядом со своей фамилией Бабаевского и Кочетова, Абрамов, по всей видимости, был не очень доволен. В письме от 12 мая 1969 года на этот счет он очень откровенно сообщал Щербакову: «Что касается „Двух зим“, то им теперь дана зеленая улица: ты читал, конечно, о премиях в „Известиях“. Надежд на получение премии у меня мало (увы, ее далеко не всегда дают за литературу). Правда, компания омерзительная, но интересно, что скажут теперь Ваши районные чинуши? Неужели они и теперь будут топтать мой роман как вредный? А в общем, мне плевать и на Вашего Поздеева и на этого слизняка-холуя Земцовского».

Так вот, ни публикация «Двух зим...» отдельной книгой, ни номинирование романа на Госпремию никоим образом не повлияли на позицию редакции «Пинежская правда»: публикацию в газете так и не возобновили.

Более того, архангельская пресса, в частности центральная газета региона «Правда Севера» и газета «За коммунизм» — орган Архангельского обкома и Областного совета депутатов, ни строчкой не обмолвилась по поводу выдвижения Абрамова на Госпремию.

Олег Дмитриевич Трушин родился в 1969 году в г. Шатура Московской области. Окончил Государственный социально-гуманитарный университет (исторический, психологический, юридический факультеты). Прозаик, член Союза писателей России и Союза писателей Союзного государства. Автор более 1500 работ (повести, рассказы, очерки, эссе, статьи) об истории, культурном наследии, природе России. Публиковался в журналах: «Живописная Россия», «Юность», «Отчий дом», «Юный натуралист», «Детская роман-газета», «Родовое имение». Многие годы постоянный автор национального журнала «Качели» Республики Беларусь. Автор 18 книг. Лауреат многих международных и российских литературных премий, в том числе премии Центрального Федерального округа РФ в области литературы и искусства, Литературной премии им. М. Пришвина, Литературной премии им. А. Н. Толстого. Живет и работает в г. Шатура Московской области.

¹ Глава из готовящейся к публикации книги «Федор Абрамов. Я жил на своей земле». В основу книги положен личный архив писателя, хранящийся в Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург. Продолжение. Начало см.: 2019, № 9, 12.

Ко всему этому следует отметить, что Северо-западное книжное издательство, находившееся в Архангельске, за все 60-е годы не издало ни одной книги Федора Абрамова, тем самым подчеркнув свое безразличное отношение к творчеству своего земляка. Понятно, что у этого безразличия был свой «хозяин» в Архангельском обкоме.

Такое отношение к творчеству Абрамова в Архангельске привело к тому, что 5 апреля 1969 года член Совета по критике СП СССР писатель Александр Михайлов обратился в бюро Архангельского обкома КПСС с заявлением о «странном, неуважительном отношении областных органов печати к творчеству писателя-земляка Федора Абрамова». В частности, в обращении значилось: «Федор Абрамов — уроженец Архангельской области, связан с ней не только постоянными приездами (он живет в Ленинграде), но и творчеством, которое целиком посвящено архангельскому северу... Действие романа („Две зимы и три лета“. — О. Т.) происходит в северной деревне в первые послевоенные годы. Его герои — честные труженики, люди высокой нравственности, сердцем привязанные к земле, люди, на которых во все века стояла и поныне стоит русская деревня. Кому как не северянам откликнуться на это произведение! Но... беспрецедентный случай в России за последние десятилетия в отношении к писателю-земляку, которым надо гордиться!

Вологда когда-то поторопилась с „осуждением“ покойного Яшина за „Вологодскую свадьбу“, но потом сделали все, чтобы загладить этот неприятный инцидент.

„Правда севера“ тоже устроила нечто подобное с Абрамовым за повесть „Вокруг да около“. Теперь всем ясно, что это произведение имело под собою реалистическую, жизненную основу. Не случайно секретарь Правления СП СССР Г. Марков в своем докладе на Четвертом съезде советских писателей дал высокую оценку этому произведению, как одному из лучших о советской деревне. Так неужели сейчас земляки не могут ничего сделать, чтобы загладить этот инцидент, как это сделали вологжане с Александром Яшиным?

Я обращаюсь в бюро обкома КПСС с просьбой:

рассмотреть вопрос об издании в Северо-западном книжном издательстве „Избранного“ Федором Абрамовым или его романов;

2) дать указание органам печати не замалчивать творчество писателя-земляка, по крайней мере, публиковать рецензии на его новые произведения, посвященные жизни северян, ведь это же традиция, которая соблюдается во всех областях и краях России;

3) дать указание Управлению культуры провести читательские конференции по роману „Две зимы и три лета“, выдвинутому на соискание государственной премии, пригласив на них Ф. Абрамова».

Но и предложения Михайлова в Архангельском обкоме не были услышаны.

Да, не только «Правда Севера», «За коммунизм» и им подобные игнорировали тогда Абрамова.

Даже публикация романа в самом престижном литературном толстом журнале не сумела развеять того истерического страха по отношению к имени Федора Абрамова, что махровым цветом взрастили 60-е годы в умах редакторов издательств. Хотя многие из них были не прочь сотрудничать с писателем, и даже начали делать определенные шаги в этом направлении, но после появления ряда критических статей на «Две зимы...», в частности уже упомянутых ранее статей Строкова, включили обратный ход. Причем такая боязнь в ряде случаев приобретала весьма комичный характер. Наглядный пример — история с журналом «Крестьянка».

30 января 1968 года Майя Яковлевна Испольская отписывает Федору Абрамову короткое письмо, в котором, памятуя о занятости писателя, весьма деликатно пред-

лагает сотрудничество с редакцией: «Может быть у Вас все-таки найдется что-нибудь для нас — небольшой рассказ, отрывок, зарисовка. Подумайте. Ладно?»

В ответ на письмо Исполской Абрамов не только положительно откликается на просьбу, но и в один из своих приездов в Ленинград (в это время он находился в Доме творчества в Комарово) отправляет на адрес «Крестьянки» свой изумительный рассказ «Пролетали лебеди» — трогательное лиричное повествование о поздней материнской радости солдатки Авдотьи Малаховой и несчастной судьбе ее детишек-двойняшек Надьки и Паньки, чьи жизни, словно «весенний ручеек», прошлестели «по деревенской улице». По всей видимости, Абрамов, отдавая рассказ, был абсолютно уверен, что он обязательно будет напечатан. Но случилось иначе.

Еще до отъезда в Ленинград, в начале марта Абрамов получает из «Крестьянки» конверт, в котором, кроме письма, был вложен и текст отправленного им в журнал рассказа. Исполская, будто извиняясь, сообщала: «Очень жалко мне возвращать Вам этот рассказ, но ничего не поделаешь. Мне-то самой он очень понравился. Надеюсь, что Вы еще не вернулись в Ленинград, и пакет застанет Вас на месте...»

О причине возврата в письме не было ни слова.

Мы же можем лишь предположить, что причиной возврата стала новая возня критиканства вокруг Абрамова и его романа «Две зимы...», и редакция «Крестьянки», видя все это, прекрасно памятуя и о прошлом, просто возвратила рассказ автору, не указывая на причины такого редакторского решения.

Вообще, споры о романе «Две зимы и три лета» еще долго будут тревожить печать. И даже тогда, когда в «Новом мире» появятся «Пелагея» и «Деревянные кони», критические статьи о романе все одно будут появляться в печати.

Так, в восьмом номере журнала «Дон» за 1970 год будет опубликована критическая статья Петра Строкова «На полевом стане литературы», в которой автор подверг резкой критике роман «Две зимы и три лета», еще совсем недавно номинированный на Государственную премию. Тон статьи был явно вызывающим на жаркий спор. В своем заключении Строков, словно задавая вопрос Абрамову, спрашивал: «Да то ли это крестьянство, что прошло школу трех революций, огни и муки гражданской и Великой отечественной войн — и прошло их с честью и достоинством, все больше выпрямляясь и развертывая свои необъятные, богатырские силы?!»

Реакции Абрамова на эту статью не последовало. Он хорошо знал цену своему второму роману, подкрепленную искренней высокой читательской оценкой.

10 марта 1969 года Федор Александрович получил из редакции газеты «Труд» — органа ВЦСПС — письмо за подписью сотрудника отдела литературы Владимира Левина.

Владимир Исаакович, напомнив в нескольких словах адресату о себе то, что они были когда-то знакомы по «Литературной России» и он пытался опубликовать отрывок из «Две зимы...» и даже ходил с Абрамовым к Поздняеву, сообщил, что будет вести в газете ежегодный литературный конкурс рассказа и что в позапрошлом году первую премию получил Аксенов, вторую — Рошин. «Если у Вас есть рассказ до 10 страниц или отрывок, который можно было бы выдать за рассказ, был бы очень рад Вас напечатать, — и дополнительно, как бы с некоторой оговоркой, предупреждая возможный вопрос со стороны Абрамова, — возможности „проходимости“ как будто бы весьма благоприятные».

Заметьте, читатель, литература «проходная» и «непроходная»! Хорошая или нехорошая, читаемая или нечитаемая, а именно «проходная»! А у Федора Абрамова именно такой было довольно мало, если не сказать, что совсем не было. Ну, и как следствие, ничего абрамовского тогда в «Труде» так и не вышло.

Не вышел в свет и сборник повестей и рассказов «Жила-была семужка», на издание которого «Советская Россия» в 1968 году заключила с Абрамовым авторский договор. Помимо повести, давшей название книге, в сборник была включена и повесть «Вокруг да около», что, естественно, не могло не привлечь внимания цензуры.

Напрасно надеялся Абрамов, что повесть, страсти вокруг которой уже давненько улеглись, все же удастся протиснуть в сборник. Не тут-то было! Два листа из четырех внешней, в общем-то положительной, рецензии на сборник критика Л. Якименко 28 января 1968 года были посвящены именно «Вокруг да около». «В свое время, как известно, вокруг этого произведения возникли серьезные споры, — говорилось в рецензии. — Да, Ф.Абрамов одним из первых в нашей литературе трепетно, драматично увидел значение экономических стимулов, как одного из важных факторов подъема, на сравнительно ограниченном событии (уборка сена). Он сумел показать необходимость тех мер, которые проводятся партией и правительством с такой решительностью в последние годы... Я бы посоветовал автору внимательнее отредактировать „Вокруг да около“. Мне показалось, кое-где создаются временные сдвиги — не поймешь, когда происходит действие повести, в 1960 или 1962 году (15 или 18 лет прошло после победы?) Стоит вместе с редактором просмотреть и чисто публицистический сопроводительный и сопоставительный комментарий».

Никаких комментариев и уж тем более уточнения «временных отрезков» в повести, явно надуманных автором рецензии, Абрамов делать не стал, и, как следствие, издательский контракт был расторгнут.

Выдвижение Абрамова на Госпремию породило появление ряда статей о романе «Две зимы и три лета», где среди положительных были и весьма отрицательные отзывы, в которых говорилось о нежизнеспособности абрамовской прозы, так как она якобы оторвана от реальной жизни и автор не желает изображать те положительные процессы, которые происходили в послевоенной деревне. Так, в рецензии А. Шеляпина «Серые будни Пекашино», выданной под грифом «Обсуждаем произведения, выдвинутые на соискание Государственной премии», отмечалось: «В жизнь вступает новое поколение, для которого Великая отечественная война тоже история. Было бы драматической ошибкой показать ему искаженную картину жизни той поры и первых послевоенных лет, упрятав за житейской неустроенностью и приземленностью бытовизмом громадную силу народного духа, готовность к лишениям ради высокой цели. Будь роман Ф. Абрамова частным фактом литературного процесса, тогда можно было бы поберечь копыя. Но реакция журнала «Новый мир» выдвинула его на соискание государственной премии, придав тем самым этому произведению высокую общественную значимость, да и сам роман, как уже говорилось, наделен весьма внушительными достоинствами. Но наделен он и внушительными просчетами, которые складываются из различных сторон идейно-эстетической позиции писателя.

О двух зимах и трех летах исключительной деревенской маяты рассказал Федор Абрамов... Он решительно взял сторону тех, кто судит вчерашнюю деревню кодексом отвлеченного гуманизма и ждет на этой ниве богатой жатвы. Внеисторический, с изрядной долей передержек, подход к теме может рассчитывать на короткий успех среди некоторой части читающей публики».

И статей, подобных шеляпинской, было в прессе немало.

Следует отметить, что обсуждение произведений, выдвинутых на соискание Госпремии, происходило в очень нервной обстановке для «Нового мира». И даже более того, судьба Твардовского как главного редактора уже давно висела на волоске. Да и сам журнал «Новый мир», по сути, был на грани закрытия.

После того как Твардовский отказался подписать коллективное письмо писателей в поддержку действий советского руководства, направленных на подавление Пражской весны, рассчитывать на то, что ему этот либерализм сойдет с рук, уже не приходилось. И даже вынужденное во благо сохранения журнала решение новомирцев согласиться с правильностью решения о введении советских войск в Чехословакию не спасло редакцию от уничтожения.

А тут еще и исключение Солженицына из Союза писателей, последовавшее осенью 1969 года, которое только подлило масла в огонь. Твардовский и новомирцы не поддержали это решение. Осудил его и Федор Абрамов, который оказался верен «Новому миру». Впрочем, Абрамов был одним из немногих писателей, кто не испугался и высказал свою точку зрения письменно.

Все думаю который уже день как быть: писать или не писать по поводу исключения Солженицына из Союза писателей... Ибо последствия могут быть самые неожиданные, — запишет Абрамов в дневнике 17 ноября 1969 года. — Может вообще ничего не быть, а можно и оказаться за бортом литературы, вернее, журналов, ведь существуют же проскрипционные списки... Вот и решай, как тебе быть. За Солженицына вступить легко, для этого требуется мужество на минуту, а вот для того, чтобы Абрамовым быть в литературе, потребуется мужество на всю жизнь». И вот запись следующего дня: «Решился. Посылаю письмо. Никакими соображениями, доводами нельзя оправдать рабское молчание. И мой голос в защиту Солженицына — это прежде всего голос в защиту себя. Кто ты — тварь дрожащая или человек?»

И снова запись о «Новом мире», Солженицыне, о писательской совести, долге: «Растоптана последняя духовная вышка... Если бы провести референдум, 97 % наверняка одобряют закрытие „Нового мира“ — вот что ужасно. Двадцать пять писателей подали голос протеста против исключения Солженицына. Двадцать пять — из семи или восьми тысяч. Вдумайтесь только в эти цифры!..»

В канун дня Великого Октября Абрамов получает из «Нового мира» поздравительную открытку за подписью А. Твардовского и всего состава редакции: «Дорогой Федор Александрович! Сердечно поздравляем Вас с 52-й годовщиной Великого Октября! С праздником!»

Новомирское поздравление несколько снизило душевный накал, и все одно, Абрамов очень тяжело переживал все, что происходило с «Новым миром». Даже десятидневная поездка во Францию в декабре 1968 года в составе писательской группы не дала успокоения и не развеяла в нем тех тревожных мыслей, в объятиях которых он пребывал последнее время, размышляя о судьбе журнала.

Свидетельство тому — его подробные дневниковые записи, многочисленные пометки в записных книжках, воспоминания близких, и в первую очередь Людмилы Владимировны. Его письма Твардовскому тех лет от первого слова до последнего пронизаны искренней теплотой, с обязательной припиской — «Ваш Федор Абрамов». Так Абрамов подписывался нечасто. Он слишком любил Твардовского и остался верен этому чувству всю свою жизнь, при этом никогда не делал на этот счет обильных словоизлияний даже в своих воспоминаниях, понимая, что это лишь опустошает чувства.

А премию тогда Абрамову, конечно же, не дали. Но шанс получить ее вопреки всему все-таки был. Даже в комиссии по присуждению были те, кто по достоинству оценил «Две зимы...». «Схватка на заседании большая, — сообщал в письме Абрамову заместитель главреда „Нового мира“ Кондратович, присутствовавший на обсуждении. — Итог: шесть на шесть. Не хватило одного голоса для перевеса...» Решающий голос в пользу украинского поэта Андрея Малышко, которому тогда и присудили премию,

отдал представитель ЦК, входивший в состав комиссии. «У Абрамова, — обратился он к присутствовавшим, — тьма в романе такая, что ее можно ножом, как повидло, резать» (по Кондратовичу).

Сам Абрамов 10 ноября 1969 года запишет в дневнике: «Премии не дали. Это надо было ожидать. Макогоненко по этому поводу мне прочитал целую лекцию. С чего дадут очернителю, автору „Нового мира“? Да ведь это признать правильность линии журнала, оправдать его. А кроме того — не забывай: премии — это бизнес...» (Федор Абрамов. «Так что же нам делать?»). Из дневников, записных книжек...).

Еще в июньском номере «Нового мира» за 1969 год вышла абрамовская «Пелагея», вызвавшая новый поток резкой критики не только в адрес автора, но и самого журнала «Новый мир» за то, что во второй раз за столь короткий период вновь представил читателям Абрамова. И все это накануне разрешения вопроса о Госпремии.

«Если напечатаем „Пелагею“, премии Вам не видать... Вот и выбирайте — премия или литература» (Л. Крутикова. «Момент истины»). Эти слова Твардовского Абрамов по памяти записал в своем дневнике. Были ли они пророческими?

Иное дело, если бы разговор шел о выдвинутом на премию романе «Две зимы...». Да и вряд ли мог предполагать Абрамов, создавая свою «Макариху» (именно такое рабочее название было у повести, задуманной автором еще в середине 1958 года), что она вызовет столько шума и критиканского ажиотажа в прессе, особенно в ленинградской.

В статье «Сюжет и жизнь», в контексте повествования о прототипе Пелагеи, Абрамов признается, что окончательно найти сюжет «Пелагеи» помог А. Т. Твардовский: «Помню, как, прочитав повесть, он сказал: — Как будто бы все есть. Есть характеры, есть среда, есть слово, а вещи нет». И далее Абрамов раскрывает: «Я и сам не был удовлетворен своей „Пелагеей“, но конечно, только выслушав мнение такого авторитетного и глубокоуважаемого мной человека, я начал „прозревать“. Короче говоря, после долгих раздумий я пришел к выводу, что ошибка моя заключалась в концовке повести, где после смерти Пелагеи у меня в первом варианте шла еще довольно подробная история жизни Альки в городе. И вот, оказалось, что эта история, сама по себе любопытная и, кажется, неплохо написанная, в этой повести лишняя...»

Вполне возможно, что это было именно так, и Твардовский внес значительную лепту не только в сюжетную линию окончательного варианта «Пелагеи», но и в само название повести, так как в первом ее варианте Александр Трифонович читал ее именно под заголовком «На задворках».

И все же, наверное, стоит оговориться, что главный стержневой корень «Пелагеи», имея свое начало в несостоявшейся повести «На задворках», вызрел у Абрамова куда раньше, нежели с ее текстом ознакомился Твардовский.

Практически то же самое можно сказать и о повести «Алька», появившейся на свет в своем первом варианте еще задолго до прочтения ее Твардовским и о которой Абрамов ни словом не обмолвился в вышеупомянутой статье. А ведь первый вариант «Альки» был создан писателем практически одновременно с повестью «Пелагея». Но у нее, увы, другая судьба.

Да, повесть социально острая, заставляющая думать и сострадать главной героине повести Пелагее Амосовой, простой колхозной пекарихе, на плечах которой не только работа, но и большой муж, заботы по хозяйству и дочь Алька, у которой «единственная работа, которую она в охотку делает, это вертеться перед зеркалом да красоту на себя наводить». Пелагея не принимает то, чем живет Алька. Оттого и «война у Пелагеи с дочерью из-за работы идет давно... с того времени, как Алька к нарядам потянулась».

А война эта порой доходила до того, что Пелагее казалось, что «не будь рядом чужого человека, лопату бы обломала об нее». Но не смогла одолеть Пелагея Альку, все одно укотившую в город. Так и окончила свои дни Пелагея в одиночестве, схоронив мужа, упустив в город дочь, что даже и на похоронах матери не была и приехала лишь неделю спустя, но тем не менее «оплакала дорогих родителей, справила по ним поминки — небывалые, неслыханные по здешним местам». И все же не осталась на родительском корню, распродав все нажитое матерью, «заколотила дом на задворках, возложила прощальные венки» на могилы и уехала.

Вроде бы и состоявшееся примирение поколений звучит в финале повести, а все-таки Алька не принимает деревню в том виде, в котором она есть, пожертвовав даже отчим домом.

По сути, в «Пелагее» звучит все та же избитая проблема отцов и детей, к которой не единожды обращалась как отечественная, так и мировая литература, но представленная Абрамовым несколько иначе, не только через призму межличностных отношений, но и сквозь борьбу деревни и города, проявившуюся в нежелании молодого поколения взваливать на свои плечи крестьянский труд на земле. Вот она, социальная проблема нравственного долга и морали молодого поколения, выдернутая автором из жизни вопреки бытовавшему в стране соцреализму. Сюжет повести продиктован жизнью, а значит, Пелагея не одна в своей нелегкой судьбе.

Как и все произведения Абрамова, в которых отражены образы реально существовавших людей, «Пелагея» не была исключением. В литературном образе пекарихи воплотилась Екатерина Макаровна Абрамова, жившая в Верколе и до последних своих дней отказывавшаяся принимать главную героиню повести, примеряя к себе каждый штрих Пелагеи и не желая понимать, что она стала лишь внешней оболочкой для образа, а его начинка — во многом художественный вымысел, но взятый автором из жизни. Абрамов при случае старался объяснить, но его реальная Макариха и слушать об этом не хотела. Ну что ж, обычная для Абрамова история.

И тем не менее Пелагея во многом впитала в себя не только личностные черты веркольской Макарихи, но и истинный антураж ее трудовых будней, ее пекарню, без которой, если сказать словами самой Пелагеи, «ей и дышать нечем». А реалистичность образа Пелагеи позволила автору не только оживить повесть, но и наполнить ее особым знаковым колоритом, создав тем самым еще большую атмосферу подлинности событий.

«Пелагея», встав в один ряд с повестью «Алька», фактически ставшей ее продолжением, рассказом «Деревянные кони» и повестью «Мамониha», работа над которой растянулась без малого на десять лет, стала зачином своеобразной тетралогии из четырех абрамовских произведений о судьбе русской женщины, пусть и не объединенных единым сюжетом, но имеющих один авторский замысел — рассказать о судьбе русской женщины. И ведь недаром Юрий Любимов, затеявая в начале 70-х годов на Таганке своих знаменитых «Деревянных коней», принял в сценарий и «Пелагею» с «Алькой», сотворив тем самым своеобразный триптих, который великолепно смотрелся на сцене как единое целое.

Уже в июле—августе в прессе появились первые нелюбезные статьи о «Пелагее».

18 августа Ефим Дорош, понимая состояние Абрамова после взвалившейся на него критики за «Пелагею», словно успокаивая, делая больший акцент на повести «Деревянные кони», в частности, писал:

Дорогой Федор Александрович!

...Уже само название рассказа расположило меня, и я не ошибся в своих ожиданиях. По-моему, рассказ очень хорош.

Прежде всего хороша старуха, очень верно и интересно написана и молодая. Да и все вокруг — «настоящее и прошлое» — верно, умно, наполнено поэзии...

Во-первых, рассказ будет напечатан в 1970 году, и во-вторых, что мы назовем его повестью. Это для рекламы, т. к. читатель Вас любит и название к тому же прекрасное.

«Пелагею» все вокруг очень хвалят, а «Литгазета» и прочие — бог с ним. Вот Вам и Мелентьевна Ваша сказала бы. Ваш Е. Дорош

Помимо заказных статей «сверху», какой, к примеру, была статья А. Русаковой «Итог одной жизни», опубликованная в «Ленинградской правде» 10 января 1970 года, были и положительные отклики. Так, следом за публикацией Русаковой, 11 января в газете «Правда Севера» появилась статья Шамиля Галимова «В глубины жизни», и чуть позже его же публикация «Мужество таланта» в седьмом номере журнала «Север», раскрывающие истинные характеристики «Пелагеи». Впоследствии его мысль повторили и авторы публикаций, появившихся в журналах «Современник», «Вопросы литературы», «Литературной газете» и многих других.

Так, Игорь Дедков в статье-рецензии «Межа Пелагеи Амосовой», опубликованной в девятом номере «Нового мира» за 1972 год, так отозвался о жанре повести: «Есть у Федора Абрамова восхищение „по-русски неброской, даже застенчивой“ красотой, „сделанной топором и ножом“. Книга написана человеком, жадным до людей, до все новых и новых людей, до самых обыкновенных. Если б признан был жанр житейских „встреч“, то можно было бы сказать, что значительная часть книги исполнена в нем». И как долгое эхо дедковской статьи — мысль литературоведа Андрея Туркова в статье «Великий след», журнал «Дружба народов» № 2 за 1973 год: «Но все-таки источник заветнейших мыслей Федора Абрамова, в первую очередь, не в литературе, а в жизни... а это есть голос нрава...»

И если статьи в прессе появились, выдержав определенный, пусть и малый срок после выхода «Пелагеи», то письма читателей обрушились на Абрамова почти сразу же, как только повесть получила выход в народ. Письма с разной оценкой повести приходили не только на ленинградский адрес писателя, но и в редакцию «Нового мира». Как и статьи, по своему содержанию они были разными. Помимо добрых отзывов были и упрекающие Абрамова за ненужное обличительство и нравоучение, которого и без того с лихвой в литературе.

Одним из первых откликнулся на «Пелагею» Василий Белов.

Вообще письма Василия Ивановича к Абрамову, а их в писательском архиве немало, всегда искренни, по-дружески совестливы, без потаенной зависти в слове, теплые и, как говаривала моя бабушка, хоть руки об них грей. Белов всегда считал Абрамова своей путеводной звездой, строгим критиком и порой публично, по-отечески, признавался в этом. Но и в своей оценке абрамовских творений Белов был честен и прямолинеен.

«...Да, Пелагею я прочитал, — сообщал Белов, — и скажу честно, что она оставила очень противоречивое впечатление. Те места где ты писал жалея, а не обличал, эти места, по-моему, изумительны. А этих мест меньше и они не увязываются с общим пафосом, с общим настроем (извини за эту надуманность, не знаю как сказать проще). Чего это ты? Разве мало у русского мужика обличителей без тебя? Ну да ладно, ты, наверняка, это и сам чувствуешь и знаешь все лучше меня. Не стоило только наверное печатать повесть в „Н. Мире“, там по-моему, есть силы определенные, эти самые обличительские, оправдывающие беды народа его собственной тупостью и далекостью и всякой классовостью. Твардовскому наверняка приходится сдерживать этот обличительский пыл, и по-моему, ему нелегко вдвойне. Не знаю, конечно, но мне так кажется.

Хорошо, что на роман есть статьи (тут, по всей видимости, Белов имел в виду роман „Две зимы и три лета“. — О. Т.)... А как ты к этим статьям? Ишь ты, нашли козла отпущения — Егоршу... А по-моему, мне неизвестно, такой ли уж отрицательный этот Егорша. А может это просто способ спасти роман от нападков со стороны ортодоксов. Ладно, пятого ноября все узнаем. Вот когда получишь звезду, тогда я попрошу рублей триста взаймы. А может и раньше... потому что за „Бухтины“ мне дадут всего рублей 400... Ну, ладно, это все ерунда.

А что за „Деревянные кони“? Начал только или уже много сделал? Черкни. Передай поклон Люсе и Федору (Мельникову. — О. Т.). Пусть он, Федор Федорович, как следует прочихается на прежнюю должность, да живет нормально. Живы будем не помрем. Привет от Олюхи и от мамы, которая засела в Тимонихе и не хочет ехать в Вологду. Уж больно там ей хорошо — есть дрова и мука, родина, товарки, тишина и лес. Кормила меня блинами и рыжиками. Жаль не смог ты с Люсей приехать. Пока! Крепко обнимаю, не забывай. Твой Белов».

10 октября 1969 года Федор Абрамов после прочтения беловского письма записал в своем дневнике: «Получил письмо от Белова. Упрекает за обличительство в „Пелагее“. Дескать, и без тебя хватает у нас обличителей.

Но где, какое обличительство в „Пелагее“? Я никогда в жизни своей не занимался этим ненужным делом. И вообще я не знаю, что такое восхваление и обличение в литературе. Я стараюсь писать то, что есть. Правда, правда и еще раз правда. А в „Пелагее“, если и есть обличительство, то разве оно против Пелагеи направлено? И вообще, как не понять, что Пелагея — жертва, жертва, которую нельзя не пожалеть».

Но были и такие читательские письма, где «Пелагея» неожиданно сравнивалась с Мишкой, и эта параллель уже сама по себе была интригующей для Абрамова.

Из письма ленинградского читателя Бориса Бельтронова: «Прочел только что Вашу „Пелагею“. Плохой все-таки она человек — я еле слезы сдержал, когда кончилась повесть. Какими Вы секретами владеете, чтобы добиться такого эффекта?..

Михаил Пряслин — это ясно... но почему Пелагея — все, как не подходит — не сахар. Человек в сущности эгоистичный... и почему она вызывает сочувствие?.. Но ведь Михаил Пряслин тоже не... а настолько в нравственном отношении он выше ее? В этом, в этой нравственной силе, вернее сила народная, как я понимаю. И никаким „образованиям“ (я имею в виду отрицательное влияние) эту силу не убить...»

Писатель Алексей Садовский в своем письме Абрамову от 26 сентября 1968 года не просто подверг критике повесть, усмотрев в ней «провинциализм», но и определил, какую она, по его мнению, должна была иметь концовку:

Язык повести рыхловат. Порой колорит оборачивается обыкновенным провинциализмом. А порой и недостатки замечаешь...

Но на одном эпизоде мне хотелось бы, все-таки, попридержаться твое внимание. Я имею в виду конец 21 и начало 22 глав. Думается, их надо изменить несколько. В конце первой из этих глав ты рассказываешь, как умирающую Пелагею согревает надежда, что дочь ее, Алька ее, вернется. Вот этим (так я думаю) и надо закончить главу, а следующую 22-ю начать энергично, просто: «Вернулась Алька». Или чем-нибудь в этом роде.

Конечно, Садовский не знал, что у «Пелагеи» есть продолжение — «Алька». Не упомянул об этом в ответном письме и Абрамов.

Сам же Твардовский не оставил отзыва о «Пелагее». По крайней мере, нам такие рецензии не известны.

А вот Мария Илларионовна, супруга поэта, уже после его кончины прочитав «Пелагею» и «Альку» в сборнике «Последняя охота», изданном в «Советской России» в 1973 году, открыто писала Абрамову:

Дорогой Федор Абрамович (!) (так в оригинале. — О. Т.)

Хочу напомнить о добром намерении Вашем — прислать копии писем Александра Трифоновича. Жду. (Абрамов выполнил просьбу, отправив подлинники писем. — О. Т.)

Симпатичную книжечку Вашу с одним («деревянным конем») получила и за нее Вас благодарю.

Думаю, что после наших столичных газет, недавно обсуждавших (я имею в виду «Л. Г.») Ваше творчество и особо повесть об Альке, мой читательский отклик покажется Вам пресным уже в силу того, что не несет в себе заряда гласности и должной ответственности, это просто два слова читателя о том, что ему (читателю) понравилось.

Понравилась, конечно, Пелагея. Эта Ваша вещь поживет. Большой подтекст (не выпирающий, но чувствующийся, который в любую минуту может быть призван для аргументации образа) — подтекст этот придает книге (и образу Пелагеи в первую очередь) объемность, книга имеет и большую протяженность, чем собственно текст, занимающий менее сотни страниц.

Судьба этой женщины заставляет читателя задуматься, как задумывались мы о героине Флобера, о пушкинской Татьяне, о Вассе Железновой.

— А что если бы?

Извечный вопрос, вызванный сопереживанием читателя и его заинтересованностью в судьбе образа, нарисованного правдиво, т. е. со всеми жизненными противоречиями.

— А что, если бы Пелагея? Кем могла бы быть такая идущая к своей цели без компромиссов натура, для которой потеря цели явилась и потерей жизни?

Повесть, повторы, хорошая, очень хороша, написана хорошим языком, без сентиментальностей (которые в других рассказах иногда мелькают).

Другие вещи Ваши послабее. Конечно, ничего в них стыдного нет. Они тоже обнаруживают талантливость автора. Они послабее перед «Пелагеей», но не стоит объяснять, что только зубья в гребне одной высоты.

И хотя в других рассказах тоже много хорошего и много наблюденного у жизни — есть ощущение некоторой этнографичности в подаче людей старинных, против параллельно идущего описания людей сегодняшних — такие описания грешат всегда некоторой искусственностью и идеализацией.

Само заранее помеченное противопоставление предопределяет ослабленность и некую ущербность одной из противостоящих сторон.

Мне кажется, что материал такого рода (о прошлом и его людях) лучше втапывать в большие вещи, где он на фоне раскрытых характеров «большого полотна» может говорить сам за себя без тенденциозности, которая, повторно, заранее обрекает половину героев на «голубые» роли.

Словом, как заключил бы наш дорогой А. Т. обобщая самого себя: человек Вы талантливейший и талант Ваш от Бога, а все остальное — от себя.

Работать, работать.

Всего Вам доброго, и успешной работы более всего.

М. И. Твардовская...

Впрочем, уже несколько забежав вперед во временном отрезке, снова вернемся в конец декабря 1969 года, когда для Федора Абрамова все споры о «Пелагее», разом померкнув, отступили далеко на задний план.

22 декабря умер Василий — средний и последний из братьев Федора Абрамова, живший в селе Подюга Архангельской области и работавший там же директором сельской

школы. Сгорел на работе, как потом говорили. В последний день своей жизни провел уроки, дошел до дому, повернулся к окну, и... инфаркт, в 55 лет. Федор Александрович был на похоронах.

Роковые 55! Жизненный рубеж, который не осилил ни один из старших братьев Федора Абрамова. Более того, не только брат Василий умер именно в этом возрасте, но и старший Михаил почил именно в эти годы.

Для Федора Абрамова это был своего рода сигнал, недобрый знак. И все последующие пять лет, приближающие его к этой жизненной черте, — постоянные размышления, невольные думы о скорой смерти. Нечасто говорил он об этом вслух, но близкие подтверждают, что такие разговоры были.

А в Ленинграде по-прежнему не умолкали споры вокруг «Пелагеи», и критика, взяв в приоритет статью Русаковой, резала вдоль и поперек абрамовскую повесть, не обращая внимания на положительные отклики в прессе.

Но случилось то, о чем Абрамов не мог и подумать: в его защиту, в защиту его «Пелагеи» выступил ряд ленинградских писателей.

Еще 22 октября 1969 года на заседании бюро секции прозы Ленинградского отделения Союза писателей выступавшие единодушно говорили о «Пелагее» как об интересном, значительном явлении современной прозы.

Положительные отклики повесть получила, и 31 октября в Ленинградском институте культуры, где помимо приглашенных литераторов в обсуждении приняли участие преподаватели и студенты вуза.

И вот после появления статьи Русаковой ряд писателей — М. Слонимский, Е. Добин, А. Македонов, Б. Бурсов, В. Берковский, Г. Горышин, который к тому же являлся председателем бюро секции прозы, — 28 января 1970 года подписали и направили в газету «Ленинградская правда» открытое письмо, в котором опровергли позицию автора «Итога одной жизни», подчеркнув следующее: «Выводы рецензии А. Русаковой неосновательны, предвзяты, находятся в разительном противоречии с гуманистическим пафосом повести Абрамова „Пелагея“. Рецензия эта дезориентирует читателя, она вредна для писателя, который работает сейчас особенно много и плодотворно... Повесть „Пелагея“ явилась естественным продолжением, развитием главной темы Абрамова: материального и духовного становления северной колхозной деревни... проникнута чувством личной сопричастности, партийной заинтересованностью в нелегком, но, несомненно поступательном движении, которое происходит сейчас на селе».

Естественно, такой вызов группы писателей не мог остаться без внимания тех, кому творчество Абрамова было, мягко сказать, не по нюху.

Теперь под проработку попали не только те писатели, кто выступил в защиту Абрамова, но и само Ленинградское писательское отделение, допустившие такой просчет в идеологической работе. Возглавлявший писательскую организацию Даниил Гранин был вызван на обкомовский ковер.

Вскоре на уровне обкома была создана комиссия, задачей которой было немедленное проведение работы по выявлению просчетов в идеологической работе Ленинградского отделения Союза писателей, и принято по этому поводу соответствующее решение.

На состоявшемся писательском партбюро, куда был приглашен и Федор Абрамов, его повесть «Пелагея» была еще раз окрещена «очернительской». Итоговое решение — срыв в идейно-теоретической работе организации.

Абрамов вновь попал в какой-то невидимый, но очень мощный водоворот страстей, разразившихся вокруг его имени, но казавшихся, и не только ему одному, какими-то вычурными, надуманными, нелепыми и очень походившими на те, что уже когда-то случались, когда в отношении него выносились постановления ЦК.

«...А может быть, это расчет со мной за письмо в поддержку Солженицына?» — отмечает в эти дни Абрамов в своем дневнике, размышляя над происходящим.

А несколькими месяцами раньше, и без того в весьма неблагоприятной обстановке к активному писательству, под самый новый год грустное известие из «Нового мира»: отказ в публикации «Материнского сердца». Причина отказа — в письме Дороша от 21 ноября 1969 года:

«Рассказ всем нравится. Все за то, чтобы печатать, однако все понимают, какие трудности вызовет известное Вам место... Ваши рассуждения о патриотичности рассказа и т. д., разумеется, верны, однако бывает и иное понимание этого, что хорошо, что плохо, и с этим приходится считаться.

Только что прочитал новые Ваши рассказы. Скажу честно, что „Деревянные кони“ значительно сильнее. Однако дело не в этом. „Материнское сердце“, мне думается, ничего нового не прибавляет к тому, что уже было в романе, это как бы кусок из него — сильный своей правдой, однако очень трудный для публикации.

А вот рассказы бабки Олены, по-моему, монтируются с „Конями“. Если чуть-чуть почистить, я имею в виду некоторые вопросы и реплики Вовки, как бы взятые из детгизовской литературы — это рассказ, мне думается, будет хорош... с этим я и дал его сегодня Алексею Ивановичу» (по всей видимости, Дорош упоминает в письме Кондратовича. — О. Т.)

Несмотря на вроде бы и оптимистическое упоминание в письме «Деревянных коней», их дальнейшая судьба была по-прежнему призрачно не ясна. Что скажет на их счет Кондратович? И какое решение по ним примет Твардовский в такое очень серьезное для «Нового мира» время, да и для него самого?

Лишь 3 января Твардовский отправит Абрамову сухой текст телеграммы: «„Коней“ запускаем».

А для себя, видимо вскоре после прочтения «Коней», 19 декабря 1969 года Твардовский так записал в своем дневнике: «Ф. Абрамов, его великолепный рассказ „Деревянные кони“ (заглавие несколько натянутое)...»²

«Деревянные кони» — еще одна многострадальная абрамовская вещь, которой был уготован счастливый, но чрезвычайно трудный путь обретения массового читателя. И наверное, если бы не Твардовский, под чью редакторскую руку успел лечь рассказ и который смог убедить Абрамова «отутюжить» «Коней» так, чтобы внимание цензуры было минимальным, повесть так и осталась бы в редакционном портфеле.

Больше похожая на рассказ, повесть написана в особом ритме повествования-исповеди, рассуждения о пережитом и действительном, в форме внутреннего диалога автора с жизнью, свойственного абрамовской прозе и которому в повести отведено особое место. Ему, приехавшему в «тихий уголок» — старую деревушку Пижму, где «все под рукой: и охота, и рыбалка, и грибы, и ягоды», была поведена судьба старой Милендьевны, пожаловавшей всего-то на три дня к сыну Максиму и снохе Евгении и после отъезда которой даже просторный дом с конем, «развернутый фасадом вниз по течению реки», начиненный всякой «крестьянской утварью», не смог удержать автора — без Василисы Милендьевны и дом уже был не дом. А почему? Так все ж в рассказе, где прототипом Милендьевны стала Евдокия Ивановна Стахеева, жительница ныне опустевшей деревушки Смutowo, в доме которой в августе 1967 года, спасаясь от тяжелых дум о судьбе «Двух зим...» в «Новом мире», и жил Федор Абрамов. До Смutowa, что сто-

² Твардовский А. Т. Новомирский дневник. Т. II. 1967–1970. М., 2009. С. 441.

яло от Верколы на другом берегу Пинеги и от Ежемени в пару верст, путь был недалог, почитай что в Верколе живешь³.

Тогда на короткое время рабочим кабинетом Федора Абрамова стала небольшая уютная комнатка, оборудованная на чердаке дома, — «вышка с резным балкончиком», вход на которую был с пахнущей травами повети, под которой был «двор с разными стайками и хлевами». Не приспособленная под житье в холодное время года, в теплую пору вышка оживала. Приятно было пожить под сводами большого дома, под самым искусно вырезанным «полотенцем» и гостям дома, да и самим хозяевам.

Не случайно оказался тогда Федор Абрамов в стахеевском доме Евдокии Ивановны. Сын хозяйки дома Андрей, с которым Абрамов был знаком давно, пригласил погостить писателя.

Так, за охотой и рыбалкой, походами в лес по грибы да ягоды, долгими разговорами, и рождались зарисовки новой повести «Деревянные кони», которой суждено будет не только издаваться на разных языках, но и идти на театральных подмостках по всему миру.

А вот окончательно повесть «Деревянные кони» дорабатывалась Абрамовым летом 1969 года в Комарове. На вопрос писателя Глеба Горышина, посетившего Федора Александровича в этот период, «А что теперь за работа?» Абрамов ответил: «Большой пишу рассказ, листа на два. О старой русской крестьянке. Судьба ее поучительна, тесно сплетена с историей страны. Такие старухи есть в деревнях — я готов на колени перед ними стать» (Глеб Горышин. «В гостях у Федора Абрамова». «Литературная газета» № 5, июль 1969 года).

Великой крестьянкой с «кремневым характером» назовет Абрамов свою героиню, которая вполне могла стать в рассказе Василисой Прекрасной (именно такое название изначально должна была иметь повесть), за то, что всю жизнь, делая добро людям, жила «настоящей жизнью», работала так, что и в свои преклонные года не могла сидеть сложа руки. И деревянные кони на крышах всех пижемских домов — красота и особенность домов-богатырей — «вскормлены» ею.

«Прочитал в „Новом мире“ рассказ „Деревянные кони“. Добре! Язык добр! Хорошо! Полезно!» — напишет в своем письме 25 марта 1971 года односложно, но с явным восхищением и уважением к автору читатель из Москвы, путешественник Борис Никитин.

И даже если бы Федор Абрамов не был автором цикла романов о судьбе Пряслиных, и не было бы за его плечами «Безотцовщины» и «Пелагеи», то благодаря одним «Деревянными коням» он бы наверняка заслужил безмерную славу у простого читателя за то, что «подарил... радость познания жизни, до сих пор... неизвестную, что... открыл ее» и дал увидеть «человека, которого не знал бы никогда». «Автор с неповторимым миром духовным, неисчерпаемым, сердцем впитавший все то, что носит имя жизнь — предстал перед тобой в „Деревянных конях“, как явление той же жизни, ощутить которую большое уже счастье», — из письма Веры Бабич, Комарово, 19 марта 1976 года.

Критик Александр Михайлов, сам северных корней, одним из первых прочитавший «Деревянных коней», сообщал в письме Абрамову 1 мая 1970 года: «Лежу на диване,

³ Тут, отступив во времени, справедливости ради надо сказать, что тот дом-богатырь — частичка абрамовской летописи — уцелел и ныне стоит в полной сохранности на Абрамовском угоре, а самое главное — обжитой. И все благодаря Игорю Чекалину, москвичу, полюбившему пинежские места, который купил у прежних хозяев в Смутове стахеевский дом да перевез его в Верколу и, подлатав немного, дал ему вторую жизнь.

в гостях у тещи, в Серпухове, и думаю, думаю горькую думу о наших бабках и матерях, о судьбе русской крестьянки, думаю о том, откуда шла, какого корня прирастала народная сила, которой хватило стоять насмерть перед судьбой-мачехой и злым врагом...

Хорошо ты написал, с болью сердечной и с великой благодарностью женщине-крестьянке. Нашей северянке. Спасибо тебе».

Но нет, не таких «Деревянных коней», что читал Михайлов в гостях у тещи, желал увидеть Абрамов в «Новом мире».

Конечно, в свете всей той суеты вокруг и внутри опального журнала, над которым реально нависла угроза закрытия, эта новая абрамовская вещь могла вовсе затеряться в редакционном портфеле. И то, что она в конечном итоге все же обрела свою жизнь на страницах журнала, уже было огромной победой Абрамова, хотя сам Федор Александрович на этот счет мыслил иначе.

Едва не испортив отношения с Дорошем в связи с редакторской корректурой «Деревянных коней», 4 января 1970 года Абрамов, уже несколько смягчив тон своего письма, отправляемого с новой правкой повести, сообщал Ефиму Яковлевичу: «Мне очень жаль, что мои последние письма вызвали у Вас неудовольствие. Правда, за самое последнее письмо я полностью не ручаюсь: оно писано не в легкую для меня полосу жизни и потом — поймите волнения автора, не имевшего возможности взглянуть на свою рукопись перед сдачей ее в набор... А впрочем, стоит ли выяснять отношения? Одно мне ясно: я очень ценю и люблю Вас и как человека, и как писателя, и мне не хотелось бы, чтобы Вы на меня были в обиде... Я хочу поблагодарить Вас за внимательное отношение к моей рукописи, за стилистические поправки, хотя некоторые сокращения вызывают у меня возражения... В цензурной правке есть некоторые переборы... Дорогой Ефим Яковлевич! Посмотрите еще раз так наз. „уязвимые“ места. Может, все-таки можно кое-что из них сохранить?»

Конечно, позиции Абрамова и Дороша в контексте работы над повестью коренным образом не могли не расходиться. Если Федор Александрович старался отстоять текст от чрезмерной редакторской правки, то Ефим Яковлевич, отлично понимая, что повесть привлечет весьма пристальное внимание цензоров, прежде всего пытался сохранить ее в «Новом мире», пусть и в несколько усеченном виде.

И все же это противоречие, возникшее между Абрамовым и редакцией «Нового мира», дало свои нежелательные плоды.

«Деревянные кони» могли быть вообще не напечатаны в «Новом мире» не только по прихоти цензуры, но, как это ни парадоксально звучит, и по решению самого Абрамова. Конфликт, разыгравшийся между Абрамовым и редакцией в январе 1970-го, чуть было не привел к тому, что повесть едва не была снята с набора и не возвращена автору.

Что стало причиной абрамовского негодования, доподлинно не известно. Возможно, недоверие к определенному ряду сотрудников редакции, по мнению Абрамова вторично не пропустивших в печать рассказы «Материнское сердце» и «Могила над крутояром», а может быть, и накопившаяся усталость ожидания публикации, подкрепленная нервозностью нездоровой ситуации вокруг «Нового мира». Да и отказ в публикации «Альки» сделал свое дело. Знал ли об этом конфликте Твардовский, мы не знаем. Но о том, что он имел место, говорит письмо Ефима Дороша Абрамову от 20 января 1970 года, сохранившееся в писательском архиве:

Возвращаю Вам «Материнское сердце», «Могила на крутояре», посылаю так же второй экземпляр «Из рассказов Олены Даниловны», может быть, вам пригодятся. Признаться, я не могу понять, почему тон Ваших последних писем столь нервен

и раздражителен. Что до этих двух рассказов, то Вам я и другие товарищи говорили, что они нам не подходят, и объясняли почему. Но Вы зачем-то снова дали их Александру Трифоновичу, хотя с нами как будто и не спорили. Далее, заявление Ваше относительно «Деревянных коней», что это первый вариант, прозвучало для меня, признаться, несколько неожиданно. Рассказ у нас довольно давно, причем сразу же Вам было заявлено, что он нам нравится, что мы постараемся его напечатать, и вдруг, когда рассказ в наборе, оказывается, что он недоработан. Не очень понравились мне слова — «оставляю за собой право». Это звучит как цитата из юридического документа, как заявление, так называют стороны. Мне кажется, что наш журнал, печатая роман, а затем «Пелагею», высказал в отношении Вас и Ваших работ и внимание, и заботу, и прямую заинтересованность в том, чтобы ничто не мешало читателям почувствовать всю силу правды, заключенной в Ваших произведениях. Право, мы не заслужили упреков в робости, и едва ли справедливо ставите нам в пример смелость «Советского писателя». Искренне уважающий Вас — Е. Дорош.

В итоге какими силами — мы не знаем, но конфликт был погашен. «Деревянные кони», как и обещал Твардовский, шли во втором номере новомирской книги, и Федор Александрович с нетерпением ждал выхода публикации.

Но февральский разгром редакции, когда из ее состава были выведены шесть человек, и последующий вынужденный уход Твардовского с поста главного редактора внесли свои коррективы в публикацию «Деревянных коней».

12 февраля Твардовский отправленным в секретариат правления Союза писателей СССР заявлением попросил снять его подпись как главного редактора с февральского номера журнала, что само по себе означало не только сложение с себя полномочий главного редактора, но и приостановление выхода в свет второго номера «Нового мира» за 1970 год.

О решении Твардовского оставить редакцию Абрамов узнал из телефонного разговора с Дементьевым уже 13 февраля.

Все случившееся с «Новым миром» для Федора Абрамова стало настоящим потрясением. «Нет, мы еще не отдаем себе отчета в том, что произошло, — запишет Абрамов в дневнике 15 февраля 1970 года. — Катастрофа! Землетрясение!» Разгром «Нового мира» он воспринял как личную трагедию.

Переживания о ситуации в «Новом мире», о Твардовском, о судьбе «Деревянных коней» — все тогда перемешалось в абрамовских думах. Он был готов ехать, бежать в столицу, неоднократно звонил Кондратьеву, Лакшину, Хитрову... И в конце концов, бросив все дела, вырвался к Твардовскому, но уже в Красную Пахру. Абрамов был одним из первых авторов «Нового мира», кто навестил Твардовского в самые трудные для него первые дни ухода из редакции, и он будет частым гостем в его доме все последующие месяцы жизни поэта.

В мартовском номере «Информационного бюллетеня Союза писателей СССР» за 1970 год была опубликована официальная информация об изменениях в составе редакции журнала «Новый мир», в которой, в частности, говорилось: «Секретариат Правления Союза писателей СССР удовлетворил просьбу А. Т. Твардовского — освободил его от обязанностей главного редактора журнала „Новый мир“.

Главным редактором журнала „Новый мир“ утвержден В. А. Косолапов».

Эпоха «Нового мира» Твардовского закончилась. Наступали новые времена.

А как же «Деревянные кони»?

О том, что повесть снята и не пойдет в февральском номере журнала, Абрамову скажет еще Твардовский на той встрече в Пахре в конце февраля. А в конце марта, при-

ехав в «Новый мир», Абрамов вновь погрузится в тягостную работу, ядовито навязанную цензурой, которой, как потом выяснится, и этого будет мало. Не только сцена раскулачивания, но и само словесное понятие этого действия были исключены из текста повести... без ведома автора. Абрамов узнает об этом только после того, как сам прочитает уже напечатанную в журнале повесть.

Реакция Абрамова на этот удар в спину была резкой. В отправленном в адрес Косолапова письме были не просто ноты негодования, а Абрамов умел высказаться весьма сурово, но и настроен на полный разрыв творческих отношений с редакцией. Понятно, что такое решение принималось Абрамовым спонтанно, на пике эмоционального всплеска, как безудержная ответная реакция на отношение не только к нему самому, но и в знак солидарности с Твардовским, да и, наверное, как памятка на отказ в публикации «Двух зим...» в «Роман-газете».

Право! Косолапов мог вполне не отвечать на это гневное абрамовское письмо. Но ответил. Почему? И ведь не просто ответил, а еще предложил Абрамову проанонсировать что-то новенькое на будущий 1971 год.

Вот это любопытное письмо:

27 мая 1970 года.

Уважаемый Федор Александрович!

В августовском номере «Нового мира» редакция будет, как обычно, публиковать перечень основных произведений, планируемых на 1971 год. Для коллектива редакции и для меня лично вы — желанный автор, давно полюбившийся читателям журнала. Думаю, что редакция вправе рассчитывать и впредь на Ваше сотрудничество. Хотелось бы получить от Вас сообщение о том, над чем Вы сейчас работаете и что можно анонсировать на 1971 год?

Теперь о Вашем письме об опечатках и искажениях в рассказе «Деревянные кони». Провел самое тщательное расследование. Дело в том, что я был в курсе дела только касательно замены слова «раскулачили» словом «обидели». Два других огреха явились для меня загадкой.

Что же выяснилось?

Фраза на стр. 84-й — «И вот сама сколько-то так пожила...» — именно в таком виде была набрана и никем, в том числе и автором, не правилась. Передо мной лежит сейчас экземпляр верстки, вычитанный и выправленный Вами, подписанный Е. Я. Дорошем и М. Н. Хитровым, экземпляр, с которого, корректора переносили всю авторскую и редакторскую правку.

Фраза на стр. 78-й исключена по вине корректоров журнала. Набрана она была так: «Всяко, думаю, не для того, что по грибы в первую ночь бегать ...» (К сожалению, Вы, вычитывая рассказ, также не обратили внимания на набранное «что» вместо «чтобы»). Затем следовал абзац: «Ох, как тут сверкнули тихие голубые глаза у старой Милентьевны! Будто гроза прошла за окошком». И вот эту фразу вы на полях верстки дополнили словами: «будто там каленое ядро разорвалось». И хоть Вы корректорским знаком правильно обозначили в какое место рассказа должны быть поставлены эти слова, корректора, перенося правку, всадили их в конец предыдущей фразы. Соответствующую беседу с корректорами я, разумеется, провел. Люди это опытные, добросовестные, давно работающие в «Новом мире». Но, как говорится, «и на старуху бывает проруха». Они очень переживают случившееся. Откровенно говоря, мне бы не хотелось наказывать их в административном порядке: я ведь понимаю, что работа над номером шла в обстановке довольно нервной, а рассказ ставился в номер дополнительно, на последнем этапе.

Что касается замены слова «раскулачили» словом «обидели», то сделано это было буквально перед самым матрицированием номера, и отнюдь не по моему желанию. Учитывая, что до этих слов идет текст — «Робила-робила — да ты виновата. Вот какое время у нас было. «Да я-то, говорит мама, ничего, я-то бы стерпела. Да како-

во, говорит, людей под монастырь подвести»; учитывая также, что вслед за словами «— Каких людей? Разве кого обидели?» идет абзац: «Евгения быстро обернулась ко мне. В ее черных немигающих глазах опять появился накал». А вы еще усилили этот абзац словами «но она сцепила зубы и надолго замолчала...» — учитывая все это, я дал согласие на замену слова.

Право же, читателю все абсолютно ясно! Единственно в чем винюсь — не заказал телефонного разговора с Ленинградом и не известил Вас о сложившейся ситуации: Вам и так мы немало нервы потрепали с «Деревянными конями».

Очень прошу принять извинения редакции и не настаивать на публикации Вашего письма. Во-первых, любой печатный орган делает это, откровенно говоря, всегда очень неохотно, лишь в самых крайних случаях. Во-вторых, если уж давать поправку, то немедленно, в следующем же номере журнала. А у нас положение сейчас такое: третий номер вышел, четвертый заматрицирован и печатается. Таким образом, читатель увидел бы эту поправку через несколько месяцев после публикации рассказа. Наконец, публикация исправлений повлекла бы за собой наказание виновных. А этого, повторюсь, мне не хотелось бы.

С искренним уважением и самыми добрыми пожеланиями. В. Косолапов.

Напряжение между Абрамовым и «Новым миром», к счастью для обеих сторон, было снято.

«Деревянные кони» с иллюстрациями Федора Мельникова, запланированные к выходу в свет отдельной книгой на 1970 год, появятся в «Советском писателе» лишь два года спустя. Литературовед Михаил Слонимский в своей внешней рецензии на сборник еще 30 декабря 1969 года напишет: «Все семь произведений, включенных в эту книгу (Абрамов впоследствии еще дополнил сборник, в который вошли „Пелагея“, „Деревянные кони“, „Жила-была семушка“, „Могила на крутояре“, „Из рассказов Олены Даниловны“, „Однажды осенью“. „Материнское сердце“, „Собачья гордость“, „Последняя охота“. — О. Т.), написаны превосходно. По богатству, красочности, меткости, выразительности языка мало кто может соревноваться с Ф. Абрамовым».

Академик Лихачев, одним из первых получивший от Абрамова «Деревянных коней», с восторгом ответит автору: «Дорогой Федор Александрович! Спасибо Вам большое за „Деревянных коней“. Очень ценю Вас. Всегда Ваш. Д. Лихачев 18.IX.72». И в конце письма приписка: «Пишу с завитушками, так как подарок всегда вызывает у меня праздничное настроение (так с детства)».

И надо же было тому случиться, что именно в этом високосном феврале, когда рухнул «Новый мир» Твардовского, Федору Абрамову исполнилось 50 лет.

Через десять лет, 25 августа 1980 года вологодский поэт Александр Романов по поводу своего полувекового юбилея напишет Федору Абрамову: «Пятьдесят лет даются человеку не зря: надо в эти годы доставать своим делом, как якорем, до незамутненных глубин родного слова, чтобы удержаться в русской поэзии». Прямо скажем, Абрамов же к своим 50 годам достиг больших глубин!

Писатель Юрий Бирман, обращаясь в письме 13 апреля 1970 года к Федору Александровичу и Людмиле Владимировне, писал: «Сегодня я узнал, что в этом году Феде исполнилось 50 лет... Итак, еще один мой старый знакомец перевалил за полвека. Шел он, как я понимаю, не всегда разбирая дорогу, било и трепало его сильно, но почти всегда он в главном был самим собой...».

Я вас обоих обнимаю и желаю хорошей и спокойно-беспокойной жизни, спокойной — без травли и трепки, беспокойной — чтобы все было интересно и ново, как „в первый день творения“».

А вообще, Абрамов не любил свои дни рождения, как, впрочем, праздники вообще. Еще в письме Щербакову 10 ноября 1967 года он открыто признавался: «Я ведь праздников не люблю. У меня какая-то тоска в праздники».

И если бы не друзья, знакомые, близкие люди, то и столь значимый для Федора Александровича юбилей наверняка прошел бы для него не замеченным, за письменным столом в маленькой комнатке комаровского Дома писателей, где он с осени усердно работал над новым третьим романом о жизни Пекашино, да в думах о «Новом мире», в котором он вновь почувствовал опору своему творчеству.

Скупая, равнодушная природа
Приветствует Вас раз в четыре года.
Исправим мы лукавый календарь!
Февраль мы подравняем под январь,
Разделим вместе это наваждение —
И будет праздник Вашего рожденья!

Не один, не два, а десятки подобных шуточных стихотворных экспромтов получил Федор Абрамов в день своего юбилея.

Но были среди них и такие, которые вновь и вновь заставляли переживать его новомирскую трагедию.

Вот Вам ручки именинные,
Пожелание — простое:
Повести писать предлинные,
Слово молвить золотое,
Золотое, по-таковски,
Чтоб печатал Вас Твардовский!

Тот, кто писал эти поздравительные строки, конечно же, не знал, что еще 20 февраля Твардовский последний раз переступил редакционный порог «Нового мира».

Из всех официальных изданий на юбилей Федора Абрамова откликнулась лишь «Литературка», поместив 11 марта небольшую заметку о писателе, украсив ее, видимо для солидности, фотографией юбиляра. Впрочем, для Абрамова и этого было достаточно. После всех тех перипетий, что произошли с ним на литературном поприще за последние несколько лет, он не ждал большего.

С юбилеем для Федора Абрамова началось еще одно, последнее, десятилетие его жизни. Как в житейском, так и в творческом плане оно не станет для него простым, но и не будет таким суровым, как предыдущее, и уж тем более таким несправедливо жестоким, как первые два с небольшим года 80-х. Оно определит новые горизонты его творчества, подарит Абрамова-прозаика театру, а его читателям новые бессмертные произведения. И в то же время заставит вновь и вновь тревожиться за судьбу России, за свой родной Север. Эти десять лет пройдут для Абрамова под знаком Государственной премии и романа «Дом», завершившего пряслинскую эпопею.

И вот уж совсем удивительно, не обласканный властями, а, наоборот, битый ими, не имевший никаких литературных наград, проработав в прозе всего лишь чуть больше одного десятилетия, к началу 70-х годов Федор Абрамов имел такой авторитет в писательском цехе, что не считаться с ним было просто нельзя. Его правдивое лите-

ратурное слово, подкрепленное искренней читательской благодарностью, было сильнее любого чиновничьего ранга, и это хорошо понимали те, кто стоял у руля Союза писателей. На приводимые им аргументы было тяжело отвечать, с ним было не просто спорить. Он всегда знал, о чем говорил, и в отстаивании правды, увы, не знал предела. Его боялись и уважали, порой сторонились, дабы не вызвать на себя гнев его разящего слова. Он не был изгоем в литературных кругах, но и не был приближенным к вершителям писательских судеб. У него была своя правда, непримиримая и бескомпромиссная.

8 июня 1970 года постановлением секретариата правления Союза писателей РСФСР Федора Абрамова вводят в состав совета правления СП РСФСР по русской прозе. Смысл этого назначения можно расценить по-разному: от полного творческого признания до нежелания союза больше держать Абрамова на длинном поводке. Гадать не будем, у каждого на этот счет могут быть свои мнения.

А вот как отнесся сам Федор Александрович к такому назначению? Был ли готов? И как принял его? Наверняка он бы больше возрадовался выходу в свет своей новой книги, чем записи в строй чиновников от литературы, ведь членство в совете обязывало ко многому, но не к самому главному — занятию литературой. А для Абрамова второе было куда важнее первого. Заседания, секретариаты, семинары... все то, от чего он ушел в конце 50-х, вернулось к нему, только в новом, несколько измененном виде.

Уже в ноябре этого года Федору Александровичу за активное проведение выездного секретариата СП РСФСР в Архангельске и Вологде председателем правления Сергеем Михалковым была вынесена благодарность. В этом же месяце как член совета по прозе он принимает активное участие в семинаре для писателей-очеркистов и публицистов, организованном секретариатом правления Союза писателей СССР в ознаменование подготовки к XXIV съезду КПСС. Абрамов тогда, отложив все свои дела, прожил больше двух недель в литинститутском общежитии на Добролюбова, отправляясь каждый день в Литинститут, как на работу.

Так случилось, что в год своего юбилея Федор Александрович обрел новый ленинградский адрес. Им стала квартира в доме № 58 на 3-й линии Васильевского острова, в которой в свое время больше тридцати лет прожил известный писатель-натуралист Виталий Валентинович Бианки. После его кончины в 1959 году квартиру распределили университетскому профессору Владимиру Владимировичу Мокринскому и его супруге — известному на всю страну геологу Ирме Эрнестовне Вальц. Именно она после смерти супруга в 1969 году и предложила Абрамову совершить весьма выгодный для обеих сторон квартирный обмен, который и произошел годом позже.

Это была весьма просторная трехкомнатная квартира с большой кухней на третьем этаже, выходящая всеми окнами на светлую сторону улицы 3-й линии. Федору Александровичу квартира очень понравилась. Под кабинет им была облюбована самая дальняя комната. А в первых двух устроили гостиную и кабинет Людмилы Владимировны. В свою очередь, кабинеты служили и спальнями.

Под занавес уходящего, юбилейного для Федора Абрамова года порадовал журнал «Советская литература», опубликовав в ноябрьском номере перевод рассказа «В Питер за сарафаном» на трех языках: английском, немецком, польском, а в декабрьском — на испанском.

2 июля 1971 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за «заслуги в развитии советской культуры, литературы, искусства, активное участие в коммунистическом

воспитании трудящихся и успешное выполнение заданий пятилетнего плана» Федора Александровича наградили орденом «Знак Почета».

Для Федора Абрамова, в адрес произведений которого дважды принимались постановления ЦК, присуждение столь высокой государственной награды было чем-то особенным, противоестественным, больше похожим на преклонение колена самой властью перед его именем.

Никогда не страдавший головокружением от номенклатурных успехов и всякого рода назначений, Абрамов сдержанно отнесся к награде, а получив письмо М. Ф. Щербачева с поздравлениями на этот счет, взволнованно и резко ответил последнему: «13 сентября 1971 года. Федосеич, ты ли это? Неужели ты придаешь какое-то значение всей этой х... — и выборам в правление, и награждению орденами (да, да, меня наградили) и пр. и пр.? Нет, я думал, ты умнее.

В составе Правления сейчас что-то около 200 человек. Порядочно, верно? А писателей сколько там? А писателей пересчитаешь по пальцам. Вот тебе и цена всем почестям. Нет, друг мой, в литературе чины ерунда, в литературе книги имеют значение. Книги — и больше ничего!»

В этом абрамовском ответе не только его отношение к настоящей, подлинной литературе, но и к облику писателя, который так легко потерять, поддавшись всякого рода соблазнам. 1 ноября 1970 года он напишет тогда еще совсем молодой, но очень даровитой вологодской поэтессе Ольге Фокиной: «Одного боюсь: захвалят Вас, заласкают. Бойтесь этого как огня. Идите своей дорогой. Не изменяйте себе, слушайте своего внутреннего голоса. Только ему одному доверяйте. И, конечно, еще один совет: учитесь! Думайте, смелее думайте. Держитесь зубами за родную почву, но и охватывайте духовным взором всю страну. Помните: настоящая литература, да и вообще искусство — это всегда вызов. Вызов существующему, устоявшемуся. Вызов привычным представлениям». Это было не просто напутствие от Абрамова, в этой выраженной им мысли было его собственное видение творчества и отношение к нему самого писателя.

Весь 1971 год пройдет для Федора Абрамова без Пинежья. На родину он так и не выберется, не сумев выкроить в своем плотном графике пару-тройку безмятежных недель. Не принесла душевного спокойствия и сентябрьская поездка на воды в Кисловодск. «Кажется, немножко окреп, подлечился, — напишет он в письме Минину А. М. 16 октября 1971 года, — а вообще-то тоска смертная эти санатории. Я второй раз за свою жизнь был на курорте и второй раз волком выл. Ей-Богу!»

Он подолгу будет жить в Комарове, и его писательский стол, как и всегда, будет покрыт исписанными от руки листами бумаги.

В этот год он не единожды побывает за границей: в Румынии, Дании, Швеции, и откликом на его зарубежные поездки станут новые дневниковые записи.

Вообще все десятилетие 70-х будет наполнено для Абрамова многочисленными зарубежными поездками, когда творческими, а когда и просто экскурсионными. Нельзя сказать, что его так манила заграница и он был бы столь падок на такого рода поездки. Нет, Абрамов достаточно много ездил и по стране. И тем не менее Федор Александрович никогда не упускал возможности отправиться за рубеж. Для него это были не просто путешествия по миру с восторженным созерцанием красот, а сопоставление увиденного с тем, чем живет Россия. В какой бы из стран он бы ни был, с ним везде был его народ, его Россия. Однажды на вопрос племянника Владимира: «Дядя Федя, а зачем так много за границу ездешь?» — Абрамов ответил: «А оттуда все наши проблемы как в зеркале видны!»

1971 год выдался для Абрамова еще и напряженным в творческом плане. Пребывание в Комарове все же не давало оторванности от обыденного мира, да и его творческая атмосфера не была той деревенской, к которой очень тянулся Федор Александрович и которой ему постоянно не хватало в городе. За длительное время ленинградской жизни он так и не сделался горожанином до мозга костей, хотя внешне вполне походил на него. Город, давший ему образование, работу, возможность воплощения его литературных замыслов, не смог вытеснить из его сердца деревню, думы о которой были всегда с ним. И в этом смысле спасением для него стал небольшой домик давней знакомой Ирины Столяровой в деревне Опальнево на Ярославщине, в который он стал частенько наведываться, начиная со второй половины 60-х годов. Столярова была сотрудницей кафедры истории русской литературы Ленинградского университета, а в прошлом студенткой филфака, ученицей Абрамова. Ее отчий дом на Борисоглебщине приглянулся Федору Александровичу не только как место отдыха, но и как своеобразный уголок уединения, где ему неплохо работалось. Здесь, в Опальневе, в конце 60-х и родилась «Пелагея», а также некоторые главы будущего романа «Пути-перепутья». Тут весной 1970 года появилась на свет в своем последнем черновом варианте и многострадальная «Алька».

Еще почти год Абрамов будет работать над черновым вариантом повести, прежде чем в июле 1971 года отправит некогда отвергнутую «Новым миром» «Альку» в журнал «Наш современник», в котором повесть примут и почти сразу поставят в план январского номера 1972 года.

Конечно, это была уже не та «Алька», которую видел Твардовский.

После того как повесть была возвращена, Абрамов все последующие два года ее тщательно выправлял, вносил изменения и лишь за месяц до отправки текста в редакцию оформил ее в чистовой вариант. Все это время он упористо делил «Альку» с новым романом о Пряслиных, который планировал закончить к апрелю 1972 года.

Так «Алька» рождалась в третий, последний для себя раз. Пройдя период своего существования в контексте повести «На задворках», а потом и в той форме, от которой отвернулся «Новый мир», Абрамов все же смог придать повести уверенную самостоятельность, сумев сделать так, что «Пелагея» стала для «Альки» своеобразным фоном, благодаря которому образ главной героини повести Альки, ее помыслы, ее метания между городом и деревней высветились еще сильнее.

И тем не менее память о «Пелагее» крепко засела в «Альке». Она не только в образе самой главной героини, вернувшейся в родную деревню Летовку год спустя после смерти матери, но и в ностальгических воспоминаниях о детстве, в запахах листвы в лесу, в который она ходила с матерью по ягоды, в «паладьиной меже» — тропинке, что тянется от реки в деревню, по которой Пелагея каждый день проходила дважды (больше нее по этой тропке никто не хаживал, говорили в деревне), в материнском доме. Да и в Алькиных словах «Мама, я пришла» оживает образ Пелагеи. Воскрешается ее образ и в Алькиных упреках самой себе, что «город на мать променяла», и в слезах, что «текли по ее щекам», и в том, что Алька принялась убирать материнский дом и вдруг поняла — как хорошо «с утра топить печь, самой мыть полы, греть самовар... и ходить босиком по чистому, намытому полу!» И то, чем жила ее мать и от чего бежала сама Алька, вдруг стало ей близким и родным, и она даже решила вернуться в деревню и пойти работать дояркой.

Но как ни старался автор вернуть Альку в деревню, откуда ее корни, где могила матери, не удалось. Работа стюардессой куда престижней доярки, и Алька, приняв заманчивое предложение, собралась продать дом, решив навсегда порвать с Летовкой.

И вот когда повесть была уже в редакции, случилось то, чего вообще не могло быть. В процессе редакторской работы, во время пересылки Абрамову, гранки повести были безвозвратно утеряны.

Выяснилось случайно: молчание Абрамова по поводу возможных правок насторожило редакцию.

За полтора месяца до запланированной публикации «Альки», 12 ноября Федор Александрович вновь получает письмо из «Нашего современника», в котором содержится просьба срочно поднять копию набора повести и уже теперь ввиду нехватки времени разрешить все редакторские вопросы по телефону.

«Алька» вышла в назначенный срок. Спустя несколько месяцев ее публикация повторится в литературном сборнике «Сельские страницы» за 1972 год, что еще больше расширит читательскую географию.

Казалось бы, сюжет повести весьма прост, и тем не менее ни одна из повестей Абрамова не вызвала столько споров, сколько «Алька».

Спустя несколько лет критик В. Переведенцев в своей статье «Феномен Альки Амосовой», опубликованной в девятом номере журнала «Литературное обозрение» за 1975 год, назовет Альку «маргинальным человеком... который от села уже отстал, а к городу еще не пристал», и по-своему будет прав.

Сам же Абрамов нашел в образе Альки «самый распространенный, самый массовый тип нынешней молодежи — чувственный, эгоистичный, с ярко выраженными потребительскими запросами» (Федор Абрамов. «Так что же нам делать?». Из дневников, записных книжек, писем... Запись от 3 марта 1971 года).

И все же если в «Пелагее» для Альки «хлеб, которым жила Пелагея... не хлеб», «у девчонки иной аппетит», «не хлеб насущный занимает ее в жизни» и «память о матери нисколько не дорога ей» (по тексту статьи «По ткани повести. Заметки на полях новой книги», «Пинежская правда» от 23 августа 1969 года), то в «Альке» мы видим дочь Пелагеи совсем другой. И не Алькина в том вина, что она решается продать материнский дом и окончательно переехать в город. Именно такой воспитала ее мать! И не бесшабашность с распутностью движут ею, а слова матери: «Ладно, уж мы наработались, мы наломали спину, так пусть хоть дети наши проживут по-человечески». И Алька просто не желает повторять трудовой путь матери. И нелюбовь Альки к пекарне вовсе не олицетворяет ее нелюбовь к труду. Она очень трудолюбива и не раз это доказывала на деле. Просто она другая, и такой сделала ее мать.

В 1976 году в седьмом номере журнала «Литературное обозрение» была помещена статья Бориса Можая «Запах мяты и хлеб насущный», в которой, рассуждая о нравственном разрыве Пелагеи и Альки, автор приходит к выводу, что больше всего в этом виновата сама Пелагея: «Страсти ее честолюбия исключают давний крестьянский идеал — в поте лица своего добывая хлеб насущный. И ты, и дети твои, и внуки. Всем очерчен круг единый: жить в согласии и довольстве, но не в алчной зависти, не в жадности, а в умеренности. То, что для себя Пелагея считала еще законным, для дитя своего считала вовсе не обязательным. Погоня за достатком во имя того, чтобы освободить от тяжелого труда дочь, стала самоцелью». А в этом и есть яблоко раздора между матерью и выросшей дочерью, по-иному взглянувшей на жизнь, отодвинувшей от себя не только «ненавистную работу», но и все, что с ней связано. И что самое удивительное, Абрамов не осуждает Альку, хорошо понимая, что она является еще и заложником тех процессов урбанизации деревни, которые развернулись в конце 60-х годов. «Мы живем в век великого передвижения. Все сидели на своей земле — мои родители никуда не уезжали. А тут вся Россия пришла в движение. Вся Россия стала летать из конца в конец. Кто же сядет пассажиром в эти самолеты? Конечно же, молодежь садится прежде всего. Алька втянута в общий, в новый поток жизни, совершенно неизвестный для ее матери», — скажет Федор Абрамов об Альке в интервью корреспонденту журнала «Молодой коммунист» Г. Амбернади в 1976 году.

И все-таки в большинстве случаев читатели видели в главной героине повести именно отрицательного героя, ищущего легкой жизни.

С момента выхода повести не умолкала и критика: статьи Л. Мельницкой «Озиминка из этой озими» в «Правде Севера» и Феликса Кузнецова «Самая кровная связь» в «Литературной газете», В. Соколова «Недостаточность сердца» в «Юности» и И. Дедкова «Межа Пелагеи Амосовой» в «Новом мире»... Статьи были разные: хвалебные и бранные, уличающие в простоте и нераскрытии сюжета и, наоборот, поднимающие повесть в глазах читателей.

И тем не менее повесть была принята и критикой, и читателями, а ярким показателем этого будет ее скорое воплощение на театральных подмостках.

В декабре 1972 года за повести «Алька» и «Деревянные кони» Федор Абрамов был удостоен весьма необычной награды — читательской премии совхоза «Алеховщина», что находился в Лодейнопольском районе Ленинградской области. Конкурс «Труженики земли», учрежденный Лодейнопольским городским комитетом КПСС, проводился среди предприятий Ленинграда и области и был посвящен 50-летию образования СССР, причем сезон 1972 года был уже третьим.

7 января 1973 года «Правда Севера» сообщала, что «рабочие совхоза „Алеховщина“ высоко оценили „Деревянные кони“ и повесть „Алька“, единодушно присудив писателю памятную награду», которой явился диплом первой степени.

По-доброму, с нескрываемым интересом была принята «Алька» и на родине писателя в Верколе. Не одно восторженное читательское письмо получил Федор Александрович с Пинежья, а 1 апреля 1974 года в Веркольском Доме культуры состоится большая читательская конференция по повестям «Пелагея» и «Алька».

Конечно, Федору Александровичу очень хотелось бы услышать мнение Твардовского о «новой» «Альке», но бывшему главреду «Нового мира» уже не суждено было узнать о ее публикации. Он умер у себя на даче месяцем раньше — 18 декабря 1971 года. Прощание в Московском Доме литераторов было людным. Абрамов не лез в кадр, не светился у гроба дорогого для него человека, не грохотал пламенными панихидными речами, как некоторые, использующие место у гроба в качестве трибуны. Он был в тиши, со своей душевной скорбью, трогательно простившись с усопшим еще накануне в траурном зале при больнице.

А вот вдова Твардовского в своем вышеупомянутом письме к Абрамову, пусть и вскользь, причем не читая самой повести, но коснулась и «Альки»: «С одного приступа (судя по отзыву, вещи я не читала) Альку Вы не покорили. Думаю, что это закономерно, но тема эта обязательно Вам покорится. Глубоко убеждена. Идете Вы, постепенно расширяя свою писательскую территорию. Алька — проблема новая, проблема не только самая современная, но, может быть, самая главная для нас сегодня, только не говорят и не пишут об этом. Обкатать эту тему, и не один раз — победа будет за Вами. М. Т.».

Что именно имела в виду под словом «не покорили», Мария Илларионовна в письме не пояснила.